

Шитова Наталья Ивановна

канд. ист. наук, младший научный сотрудник

ФГБУН «Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук»

г. Новосибирск, Новосибирская область

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ГОРНОГО АЛТАЯ

***Аннотация:** работа посвящена исследованию особенностей этнокультурной идентичности столыпинских переселенцев, осваивавших территорию низкогорных районов Горного Алтая. Результаты изучения архивных материалов (материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) рассматриваются в комплексе с полевыми материалами автора, собранными в 2010-е годы. Прослеживается установка на смену украинскими и белорусскими переселенцами своей идентичности на русскую. Ассимиляционные процессы, по мнению автора, обусловлены такими факторами, как преобладание переселенцев с Томской губернии (то есть уже проживших некоторое время в других районах Сибири), неоднородность населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода, преобладание отсутствия семейных гнезд, небольшие размеры переселенческих поселков в условиях горно-таежной местности.*

***Ключевые слова:** столыпинские переселенцы, этнокультурная идентичность, русские, украинцы, белорусы, ассимиляция, Горный Алтай.*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первая треть XX в.)».

Общеизвестно, что переселения в Сибирь эпохи столыпинской аграрной реформы являлись не только своеобразной «демографической революцией», но и послужили основой для дальнейшего формирования этнической картины Сибири. Столыпинские аграрные переселения становятся источником для образо-

вания целого ряда переселенческих групп, сохраняющих и развивающих традиции своих метрополий. Так, на территории Алтайского края исследователями выделяется переселенческая историко-этнографическая область. Т.К. Щеглова характеризует процесс формирования здесь различных этнокультурных групп, прослеживая связь природных условий и традиций мест выхода с особенностями новой территории [17].

В историко-этнографических исследованиях, посвященных алтайским переселенцам, переселенческий поток в Горный Алтай как бы теряется, не попадая в основную массу и не вписываясь в закономерности, выявляемые для территории рудного (степного) Алтая [15]. Между тем, специальное рассмотрение заявленной темы предоставляет возможность определить влияние особенностей территории и специфики формирования здесь населения на состояние этнокультурной идентичности, что и является целью настоящего исследования. Работа основана на анализе архивных источников (материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) в комплексе с полевыми материалами автора, полученными в результате экспедиций в районы Республики Алтай в 2010-х гг.

Переселенческий поток в Горный Алтай являлся лишь малой долей общего потока переселенцев на Алтай. На основе архивных и картографических источников можно определить основные районы, предназначенные для заселения столыпинскими переселенцами в Горном Алтае. Это территории Лебедской, Озеро-Куреевской и Успенской волостей Бийского уезда Томской губернии (позже Успенский и Лебедский аймаки Ойратской автономной области) [14], преобладающее большинство населенных пунктов которых, как свидетельствуют результаты с/х переписи 1917 г. (материалы 233 фонда Государственного архива Алтайского края), были основаны в 1911–1913 гг. Правительство стремилось направить часть переселенческого потока в эти места с целью освоения малозаселенных территорий, которые к тому же были значительно менее удобны для ведения хозяйственной деятельности. Ранее мы отмечали, что в этих районах условия были максимально неблагоприятны не только для земледелия, но часто и для скотоводства, поэтому население стало заниматься в основном лесными

промыслами, где позволяли локальные условия – скотоводством, при этом земледелие стало играть вспомогательную роль [18].

Существенное отличие от условий рудного Алтая определяется особенностями алтайской черни или черневой тайги, в условиях которой возможно основать лишь небольшие поселения вдоль узких речных долин, или заимки, хутора в отдельных, зачастую «глухих» логах в условиях непривычных, трудных для земледельца «с Рассеи». В переселенческих волостях в начале XX в. складывается сеть многочисленных небольших поселений. Здесь их наибольшее количество во всей Ойротии первой четверти XX в.: 104 в Лебедском (население 9195 чел.), 121 в Успенском аймаке (население 11709 чел.), тогда как в более развитых в отношении земледелия Майминской и Уймонском аймаках – соответственно 61 и 60 населенных пунктов (население соответственно 11770 и 10135 чел.) [12].

Характерной чертой переселенческого населения являлось то, что большинство переселялось не непосредственно из какой-либо губернии, а прожив некоторое время на территории Томской губернии. Ранее нами установлено, что основную массу русского населения Успенского и Лебедского аймаков составили переселенцы из Томской и Пермской губерний. Ряд населенных пунктов послужил местом локализации переселенцев из отдельных губерний. Например, в участке Михайловский это были переселенцы из Пензенской губернии, в п. Веселая Сейка, п. Ивановский – из Оренбургской губернии, п. Говоровка, п. Тушкенек – из Вологодской губернии, п. Сийнский – из Уфимской губернии [19, с. 25].

Преимущественно состав населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода был разнообразным. Например, в п. Югала насчитывалось 14 домохозяйств, в которых проживали 4 домохозяйина – переселенца из Пермской губернии (последняя губерния выхода – Томская), 2 – из Курской (последняя губерния выхода – Томская), по 1 двору имели переселенцы из Вологодской,

Самарской, Киевской, Саратовской губерний, последней губернией выхода которых была Томская, имелся 1 старожильский двор. В поселке 3 домохозяйства принадлежало переселенцам с Пермской губернии Пьянковым [9].

Для переселенческого населения была характерна пестрота фамильного состава. Это свидетельствует преимущественно об отсутствии фамильных гнезд во многих переселенческих поселках Горного Алтая. При этом образованием семейных гнезд на новой территории отличились пермские переселенцы.

В Горный Алтай наряду с русскими переселяются также украинцы (например, Курская, Харьковская, Киевская, Полтавская как первая губерния выходы, вторая – Томская), белорусы (например, Курская, Минская губернии), также представители других народов.

В результате анализа архивных материалов (анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) на изучаемой территории выявляются поселения с отчетливой локализацией украинских переселенцев, при этом они не были однонациональными. Это поселок Ново-Дмитриевский Успенской волости, пос. Алемчирский, пос. Бийский, пос. Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда (обозначенные населенные пункты в настоящее время не существуют) [2; 3; 7; 9]. Например, в п. Ново-Дмитриевский из 18 дворов, в котором числилось 12 дворов переселенцев – украинцев из Курской губернии и 5 – из Киевской [9]. Украинским был и п. Ново-Березовский, где из 12 дворов 9 принадлежали украинцам, остальные 3 – томским переселенцам [6]. В п. Знаменское Озеро-Куреевской волости совместно проживали мордовские, украинские и белорусские переселенцы [4]. Упоминания о переселенцах-белорусах также можно встретить в архивных документах, но значительно реже, чем об украинцах. Отдельные семьи белорусов, переселенцев из Псковской, Пензенской, Курской, Минской губерний, проживали, например, в поселках Кутерьба, Канагачи, Чоя Успенской волости [1; 5; 8], поселке Знаменский Озеро-Куреевской волости [4] и т. д.

По материалам переписи 1917 г. можно проследить стремление украинских, реже белорусских переселенцев «слиться» с общей массой русского населения.

Это проявляется в том, что идущие подряд одинаковые фамилии с одной губернией выхода и датой прихода в Сибирь, в одном населенном пункте и даже подряд размещенных анкетах (это, скорее всего, свидетельствует о том, что перечисляемые находятся в родстве), могут сопровождаться чередующимися указаниями национальности. Например, в материалах переписи по поселку Ново-Березовский в анкете №8 национальность Рожкова, прибывшего из Курской губернии в 1912 г., указана как русский, при этом остальные Рожковы, прибывшие в этом же году, малороссы или украинцы [6, л. 5, 7, 12]. В материалах переписи по п. Казанцевский в подшитых друг за другом анкетах национальность Н.С. Суркова, переселенца из Тамбовской губернии, поселившегося в 1913 г. – малоросс, а А.С. и И.С. Сурковы, поселившиеся в 1914 г. из этой же губернии, – русские [5, л. 37, 38, 39].

Аналогичные случаи, хоть и реже, встречаются и по отношению к белорусской идентичности. Так, например, переселившиеся из Витебской губернии в 1912 г. жители поселка Знаменский Озеро-Куреевской волости Никита Алексеевич и Кузьма Алексеевич Башун записаны как белорусы, а Александр Алексеевич Башун – как русский. Здравый смысл подсказывает нам, что в анкетах указаны родные братья [4, л. 1, 3, 13]. Интересно, что в единичных случаях можно встретить вариации указаний родственниками белорусско-украинской национальности. Например, в этом же поселке Знаменский переселенец 1912 г. из Витебской губернии Макар Сидорович Якута записан как белорус, тогда как Якута Никита Сидорович и Феоктист Сидорович – как малороссы [4, л. 43, 45, 47].

Таким образом, по архивным материалам прослеживается установка на смену украинскими и белорусскими переселенцами своей идентичности на русскую. О том же свидетельствуют и наши полевые материалы. Рассказы наших информантов повествуют о том, что украинские и белорусские переселенцы сознательно стремились ассимилироваться с русским населением, в том числе видоизменяли фамилии. Например, дедушка Л.П. Гераскиной изменил свою фамилию, чтобы она более походила на русскую: «был Масло – стал Маслов». Как

вспоминает внука, он был белорусом (Полевые материалы автора, далее – ПМА, 2012, с. Турочак).

Заметим, что видоизменяли свои фамилии и переселенцы начала 1920-х годов. Например, Е.И. Чеботарева, 1932 г.р., жительница с. Барагаш (Шебалинский район Республики Алтай), вспоминала о том, что отец ее приехал из Курской области в 1923 г. и был «хохол» Мелюшко Иван Викторович, но позже фамилия стала звучать как «Мелюшков». Женщина сообщает также и о преобладании украинских песен в репертуаре ее окружения: «Песни больше пели хохляцкие» (ПМА, с. Барагаш, 2015). Заметим, что наличие украинских песен в русской среде было выявлено собирательницей русского фольклора в Горном Алтае И.П. Федотовой, при этом отмечено явление ассимиляции: «песни украинского происхождения, прошедшие первую стадию ассимиляции» [11].

Потомок украинских переселенцев из Черниговской губернии В.Н. Нишкун вспоминал: «По папе – приезжие с Украины, с Чернигова, с дедом приехали. Нишкунуны – украинцы были». Обратим особое внимание на прошедшее время глагола «быть», которое свидетельствует о том, что потомки этих украинцев уже считают себя русскими (ПМА, с. Чоя, 2013).

Екатерина Григорьевна Рехтина, потомок переселенцев и организатор краеведческого музея в с. Советском, вспоминая беседы с пожилыми и уже ушедшими из жизни односельчанами, дает достаточно четкую и обобщенную характеристику сознательного курса переселенцев из различных губерний на ассимиляцию: «Мы в своей ограде были белорусами, хохлами, вышли за ворота – все русские» (ПМА, 2019 г., с. Советское). На национальном языке, или говоре, больше старались говорить между собой, дома: «сами себе по-своему говорили», с остальными старались общаться на русском (ПМА, 2019 г., с. Советское).

Факт сознательного отрицания принадлежности к украинцам их потомков, проявляется и в следующей ситуации. Любовь Дмитриевна Рехтина (1930 г.р.), потомок украинских переселенцев, вспоминает про бабушку, Наталью Макаровну, которая приехала с дядьями со стороны отца с Украины, с Киевской губернии: «Там жили в батраках, у хозяина работали». По воспоминаниям, Наталья

Макаровна «по-хохлятски говорила, разговор отличался на «г» и «ц». Но, имея украинские корни, сама дразнила некоторых своих внуков, которых, по воспоминаниям родственников, не любила: «Хохлы-мохлы, шоб вы здохлы» (ПМА, 2019 г., с. Советское). В таком поведении, по нашему мнению, проявляется своеобразное отрицание и противопоставление себя украинской этнической принадлежности, несмотря на происхождение.

Во многих районах Сибири, и в частности Алтая, украинским переселенцам удалось найти «вторую Украину», основать моноэтничные поселения и продолжать сохранять и развивать национальные традиции [13]. Некоторые наши информанты помнят особенности жизни украинских переселенцев на территории других регионов Сибири. Например, жительница с. Турочак Татьяна Тихоновна Данилова (1920 г.р.) родом из Новосибирской области, украинского с. Аткуль («одни хохлы жили»). Улица, на которой проживала Татьяна Тихоновна, так и называли по губернии выхода: «Полтавка» (ПМА, 2012, с. Турочак).

В условиях Горного Алтая из-за описанных выше особенностей основать моноэтничные поселения, или «концы» в поселениях оказалось невозможно. Отдельные семейные группы какое-то время придерживались некоторых особенностей своей культуры. Украинцы продолжали выращивать коноплю, придерживаться пищевых традиций. Например, сохранялось пристрастие к борщу («борщ каждый день варили и на вечер борщ»), драникам, салу. Также устойчивы некоторые особенности украинской речи, например, «чоботы», «буряк» и т. п. В свидетельствах информантов и в архивных документах встречается термин «шаровары» – элемент украинского мужского костюма. Так, например, в заявлении гражданки П.И. Казанцевой, написанном в 1920-е годы, в списке требуемого ею от бывшего свекра Тарачешникова Н. имущества указаны плисовые шаровары [10, л. 19]. В начале XX в. носили шаровары и жители современного Чойского района: «у мужиков были шаровары» (ПМА, 2019, с. Советское).

О былом украинском присутствии свидетельствуют и женские рубахи из музейных коллекций (Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, школьный музей с. Чоя). Интересно, что эти предметы экспонируются как

бы как русские, их реальная принадлежность к украинской культуре не оговаривается, не осознается. На наш взгляд, это также является своего рода косвенным показателем ассимиляции украинцев, их вливания в состав русского народа на территории Горного Алтая. Заметим, что на факт этнической ассимиляции с русским населением в начале XX века обратил внимание исследователь Ф.А. Сатлаев, считая этот процесс характерным не только для алтайского, но и для всего нерусского населения, в том числе для большинства украинцев и белорусов [16, с. 147].

Возможно, специфические особенности заселения Горного Алтая столыпинскими переселенцами, такие как преобладание переселенцев с Томской губернии (то есть уже проживших некоторое время в других районах Сибири), неоднородность населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода, преобладание отсутствия семейных гнезд, особенность расположения небольших переселенческих поселков в условиях горно-таежной местности и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям способствовала тому, что Горный Алтай стал территорией ассимиляции украинских и белорусских столыпинских переселенцев.

Список литературы

1. Анкеты с/х переписи заимок Югалы, Воробьева, хутора Дрейберга №12, Красно-Калинского, деревни Кутерба, Бирюля, поселка Верхний Узлек Успенской волости Бийского уезда // ГААК (Государственный архив Алтайского края). – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 765. – 61 л.
2. Анкеты с/х переписи поселка Алемчирский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 53. – 24 л.
3. Анкеты с/х переписи поселка Бийский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 357. – 14 л.
4. Анкеты с/х переписи поселка Знаменское Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 362. – 24 л.

5. Анкеты с/х переписи поселков: Канагачи, Казанцевского, Холодный ключ, Михайловского Успенской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 754. – 67 л.

6. Анкеты с/х переписи поселков Ново-Березовский, Нижней Тырги, Веселой Сейки Успенской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 757. – 69 л.

7. Анкеты с/х переписи поселка Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 376. – 12 л.

8. Анкеты с/х переписи поселка Чоя Успенской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 762. – 44 л.

9. Анкеты с/х переписи поселков Югала, В-Саразон, Ново-Дмитриевский Успенской волости Бийского уезда // ГААК. – Ф. 233. – Оп. 1а. – Д. 763. – 82 л.

10. Протоколы общих собраний граждан сел Лебедской волости, списки сельских исполнителей и др. // Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 3. – 66 л.

11. Федотова И.П. Отчет о фольклорной экспедиции 1979 года кафедры русской и зарубежной литературы Горно-Алтайского пединститута. Рукопись. 2 л. (хранится в личном архиве Шитовой Н.И.).

12. Хозяйство и население по аймакам на 1 ноября 1924 г. / по данным статбюро // Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 42.

13. Гончарова Т. А. Семейная история украинских переселенцев в Сибири сквозь призму персонального текста // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – Вып. 3 (25). – С. 85–93.

14. Карта Томской губернии // Азиатская Россия: атлас / изд. Переселенческого управления главного Упр-я землеустройства и земледелия; изд. под рук. Г.В. Глинки; ред. текста И.И. Тхоржевского; ред. карт М.А. Цветкова. – СПб.: Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. – №29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae> (дата обращения: 02.02.19).

15. Пожарская К.А. Сольпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: автореф. дис. – Барнаул, 2009. – 23 с.

16. Сатлаев Ф.А. Этно-демографическая характеристика населения Горного Алтая (XIX – первая четверть XX в.) // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 128–151.

17. Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й международной конференции. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 72–83.

18. Шитова Н.И. Русские в Горном Алтае: этнокультурная адаптация к условиям региона // Алтай-Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – С. 309–313.

19. Шитова Н.И. Русские низкогорной зоны Горного Алтая (XX – начало XXI в.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 208 с.